

Федор Сологуб. Путь в Дамаск

Рассказ

Оригинал находится здесь: [Сайт "Федор Сологуб"](#)

I

От буйного распутства неистовой жизни к тихому союзу любви и смерти, – милый путь в Дамаск...

Вечером весеннего тихого дня, когда на весело шумных улицах гроыхали дрожки, когда свирепые оборванцы и увядшие женщины продавали наивные ландыши, Клавдия Андреевна Кружинина вышла от доктора, красная и дрожащая от стыда и отчаяния, совершенно подавленная тем, что ей, молодой девушке, пришлось услышать. Казалось ей, что все и ожидающиеся в гостинной больные, и горничная в передней смотрят на нее с насмешкою, жалящею сердце змеиными укусами.

Кто же возьмет ее, такую некрасивую и совсем неинтересную, застенчивую, неловкую, теряющуюся всегда при мужчинах?

Уже давно зеркало приводило ее в отчаяние, – противное правдивое стекло, отражающее беспощадно только то, что есть, – лицо, не только некрасивое, но и лишенное всякого очарования. Некрасивость лица не скрашивалась даже несколькими отдельными приятными и милыми чертами. Глаза, живо отражающие всякое движение, глубокие и умные, – умильные ямочки на щеках и на подбородке, – густые волны черных, как осенняя ночь, волос, – все эти разрозненные прекрасности печально дисгармонировали с общим серым тоном лица и всей неграциозной фигуры.

Кто же ее возьмет? Кто назовет ее женою?

С беспощадною откровенностью циника, каким сделала его профессия, доктор бросил ей беспощадные слова.

Клавдия Андреевна сконфуженно лепетала:

– Но, доктор, как же это? Разве это от меня зависит? У меня нет жениха.

Доктор пожал плечами.

– С природою не заспоришь, – равнодушно сказал он, – никакое лекарство вам не поможет.

II

В том состоянии растерянности и стыда, когда дрожат и подкашиваются ноги, и не знаешь, что делать, Клавдия Андреевна шла по улицам. Знакомые перекрестки и переходы привели ее в квартиру в четвертом этаже, со двора. Там жила ее подруга, Наталья Ильинична Опричина, девица волоокская, полногрудая, энергичная, славный человек и отличный товарищ.

Клавдия Андреевна все ей рассказала. Если бы прошло хоть сколько-нибудь времени, хоть один только день, тогда, может быть, стало бы стыдно даже и подруге сказать об этом. Но теперь вышло как-то само собою. Тем более, что Опричина сразу, по несчастному, опрокинутому лицу Клавдии Андреевны поняла, что случилось неожиданное что-то и очень неприятное, – и стала расспрашивать. Клавдия Андреевна села, улыбнулась растерянню и стыдливо, и принялась рассказывать, подробно и добросовестно, как твердо заученный урок.

Рассказала и заплакала. Опричина ходила по комнате шагами грузными, от которых легонько позвякивали на столе стеклышки подсвечников, – и думала.

– По-моему, – сказала она, – плакать тут нечего, а надо действовать. У тебя нет никого на примете?

Клавдия Андреевна жалобным голосом призналась:

– Нет никого. Опричина говорила:

– Они скверные, все эти наши мужчины, и это возмутительно и